

Вера
Крыжановская-Рочестер

ФАРАОН
МЕРНЕФТА

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская-Рочестер, В.

К85 Фараон Мернефта / В. Крыжановская-Рочестер. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 374 с.

ISBN 978-5-519-62956-0

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер (1857–1924) – русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

«Фараон Мернефта» – это необыкновенная история, в которой Библейская легенда о пророке Моисее и исходе евреев из Египта предстаёт перед читателем в новом свете. Моисей, сын сестры фараона и еврейского юноши, воспитывался во дворце и со временем занял высокую должность. Узнав от матери тайну своего рождения, юноша поклялся отомстить за жестокое убийство отца и освободить еврейский народ от рабства.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗ ТЕРМУТИС	5
РАССКАЗ ПИНЕХАСА	55
РАССКАЗ НЕХО	197

РАССКАЗ ТЕРМУТИС

Когда разыгрался эпизод, решивший мою судьбу, двор находился в Танисе, который был любимым местопребыванием моего брата, фараона Рамзеса II.

Я была молодой девушкой, веселой, беззаботной, доброй, но слабохарактерной. Всеми любимая и балуемая, привыкшая к тому, что окружающие подчинялись моим прихотям, я жила счастливо, гордясь саном и красотой, в уверенности, что будущее готовит мне лишь розы; сердце мое было свободно, и ни один из ухаживавших за мною мужчин мне не нравился.

В число моих постоянных поклонников входил один знатный молодой египтянин по имени Шенефрес. Это был красивый мужчина лет двадцати шести — двадцати семи, обладатель внушительного состояния, пользовавшийся милостью Рамзеса, при котором он занимал высокую должность; мне же, не знаю почему, он внушал неприязнь.

Однажды на празднике я почувствовала усталость. Желая побыть в одиночестве, я удалилась в сад, издали сопровождаемая одной из моих женщин, и быстро направилась к беседке из акаций, расположенной вблизи реки и особенно мною любимой. Войдя туда, я с изумлением увидела Шенефреса, лежавшего на каменной скамье в припадке сильнейшего горя.

При виде меня он вскочил на ноги и хотел выйти, но отчаянное выражение его лица тронуло меня, и, преодолевая внутреннее отвращение, я спросила о причине печали и о том, не могла ли помочь ему извлечь червя, который точит его сердце.

Шенефрес смутился и, бросившись к моим ногам, поцеловал края моей одежды и признался, что любит меня, умоляя сказать, может ли он надеяться, что я когда-нибудь изберу его в мужья.

Я уже сказала, что не любила Шенефреса. Его слова, как ни были они смиренны, мне не понравились, и я, облекшись в царственную гордость, отвечала, что он никогда не внушит мне иных чувств, кроме тех, какие дочь фараона может питать к слуге.

Он встал, скрестив руки на груди, почтительно поклонился, умоляя простить его безумную смелость; отворачиваясь от него, я увидела неумолимую ненависть, сверкавшую в его черных глазах.

Увы, эта неприязнь, которой я тогда пренебрегла, должна была сыграть значительную роль в моей жизни.

Во время пребывания в Танисе я заметила, что моя лучшая подруга и собеседница, Аснат, печальна и задумчива, со слезами на глазах. Я привлекла ее на свою плоскую кровлю, заставила усесться с собою рядом и сказала, пожимая ее руки:

— Дорогая Аснат, открой причину твоей грусти; быть может, мне удастся тебе помочь.

Не отвечая ничего, Аснат опустила к моим ногам и, спрятав голову у меня на коленях, разрыдалась.

— Ну же, скажи мне все, — шептала я, глядя ее волосы. — Не может быть, чтобы мы вдвоем не нашли средства против твоего горя.

Она поцеловала мои руки и тихо отвечала:

— Только тебе одной, Термутис, моя подруга и повелительница, могу я во всем признаться. Я люблю и любима, но любовь моя несчастна, боги никогда не

благословят ее. Ты знаешь, как тщеславен, жесток и строг мой отец... Он никогда не отдаст меня тому, кого я люблю...

— Кого же ты любишь? — спросила я с удивлением. — Разве это человек нечистой касты или какой-нибудь презренный аму? Но как он мог тебе понравиться, ведь ты можешь выбирать между самыми изящными придворными?

— Нет! — воскликнула Аснат. — Тот, кого я люблю, египтянин, великий артист — добрый и прекрасный, — скульптор и называется Апофис. Некоторое время он работал в Фивах у своего дяди, который работает на моего отца, строит нашу семейную усыпальницу и дворец. Там я увидела его, и мы полюбили друг друга. В настоящее время у него здесь собственная мастерская, я встречала его раза два-три на улице, но не могла поговорить, даже взглянуть на него поближе, так как не было никакого предложения. Боюсь, как бы отец чего-нибудь не заподозрил, — он безжалостно погубил бы моего милого.

— Не плачь, Аснат, — сказала я весело. — Завтра ты увидишь своего возлюбленного. Я сама отправлюсь к скульптору и закажу ему статуэтку Хатор из зеленого мафкатского камня. Апофис сделает для меня ее, а также бюст нашей дорогой подруги Семнутис, которую несколько недель назад призвал к себе Озирис. Прикажи, чтобы завтра, до наступления зноя, мои носилки были готовы и свита могла сопровождать меня.

На следующий день я села в носилки, посадила с собою рядом трепетавшую Аснат и приказала нести нас к скульптору Апофису.

Утро было великолепное, я с наслаждением совершила эту долгую прогулку, так как мы вышли из города и носильщики остановились в одном из предместий перед домом скромной наружности, окруженным густым садом.

Предупрежденный моими скороходами, молодой художник, весь красный от волнения, стоял на пороге своего дома. При моем приближении он пал ниц, громко славя богов, которые благословили его жилище, приведя в него сестру фараона.

Я вышла из носилок, сказав совершенно растерявшейся Аснат:

— Не смущайся. Он прехорошенький.

Затем я выразила желание посетить мастерскую скульптора, чтобы судить о его работах и заказать ему кое-что.

Апофис почтительно пригласил меня в большой сарай, открытый с двух сторон, где была масса каменных глыб различной величины и несколько статуй, еще не готовых.

Посередине, около огромной статуи Озириса, на подмостках стоял человек, занятый полировкой камня. Он был так погружен в работу, что, казалось, ничего не видел и не слышал.

— Итамар! — воскликнул с упреком Апофис. — Разве боги поразили тебя безумием! Дочь фараона удостаивает своим присутствием наше скромное жилище, а ты сидишь, как сорока, повернувшись спиной к царевне.

Человек, к которому обращалась эта речь, обернулся, ловко спрыгнул на пол, сложил руки и встал неподвижно, как статуя Озириса.

С минуту смотрела я на него как зачарованная: никогда в жизни я не видела создания столь совершенной красоты. Высокий, стройный, идеально сложенный Итамар с черными вьющимися волосами, которые обрамляли бледное лицо с правильными чертами. Но всего прекраснее были его глаза – черные и ясные, в которых выражались такая доброта и столько было прелести, что я забыла обо всем на свете.

Оторвавшись от этого прекрасного зрелища, я приказала показать всё. Апофис вместе с Итамаром провел меня по мастерской, и я заказала ему еще два бюста: мой собственный и моей подруги, прибавив, что модели из глины должны быть слеплены во дворце.

Уходя из мастерской, я взглянула на Итамара. Он стоял в нескольких шагах от меня, на мгновение его горячий странный взгляд встретился с моим, мое сердце сильно забилося, я, как во сне, вышла и села в свои носилки.

Сияющая от радости Аснат шепотом благодарила меня, но я почти не слышала ее слов.

На следующий день Апофис пришел вместе с помощником, и оба принялись за работу. В течение этого часа Аснат часто обменивалась с Апофисом взглядами и словами любви; на меня же присутствие Итамара действовало подавляюще, я задыхалась, и его взгляд жег меня огнем.

Однажды Апофис пришел один, мне очень хотелось спросить его о том, где его работник, но гордость и стыд заставляли молчать. На другой день скульптор снова пришел один; беспокойство мое усилилось, я не находила себе места; наконец Аснат, словно уга-

дав мои тайные мысли, спросила, почему нет Итамара.

— Он болен, — отвечал Апофис.

— Кто-нибудь заботится о больном? — спросила я, сдерживая вздох.

— Он живет у своего шурина Амрама, а его сестра Иохабед ходит за ним. Они люди бедные, но добры и любят его.

— Почему ты так близок с каким-то аму? — спросила я.

— В Танисе их столько, что нельзя не знать их. Кроме того, мы с Итамаром знакомы давно, его талант к ваянию и кроткий нрав заставили меня полюбить его.

— Аснат, — сказала я, — прикажи передать корзину плодов и амфору лучшего вина Апофису — это для его друга на время его выздоровления.

С этого дня я ощутила какую-то внутреннюю пустоту, мне не хватало Итамара. Во сне я слышала задумчивый, мелодичный звук его голоса, а его прекрасное лицо и чудные глаза завораживали меня. Тщетно я внушала себе, что он презренный ремесленник, сын презираемого племени. Как только моя слишком острая память воспроизводила эти образ и обольстительную улыбку, я забывала о его происхождении, низком общественном положении — все предрассудки исчезали, всякое рассуждение уступало место неодолимому желанию во что бы то ни стало повидаться с ним.

Я не могла больше обманывать себя, да, я питала безумную страсть к отверженному, нечистому, между нами бездна. Ярость и стыд мучили меня, я боялась са-